

РУССКИЙ «УГРОЗАТИВ» И ЕГО РОДСТВЕННИКИ

RUSSIAN CONSTRUCTION OF THREAT AND ITS RELATIVES

Летучий А.Б., alexander.letuchiy@gmail.com, Институт русского языка им. В.В. Виноградова
РАН, Москва

Аннотация

В докладе рассматривается конструкция угрозы, выступающая в предложениях типа *Я ему спою*. Исследуются формальные и семантические свойства этой конструкции и её соотношение с актантными деривациями различных типов. Показано, что и данную конструкцию можно рассматривать как особую актантную деривацию.

Введение

В работах [Мельчук 1995] и др. отмечается наличие в русском языке особой конструкции, выражающей угрозу:

(1) – *Вася завтра снова к нам придёт. – Я ему приду!*¹

В нашей работе мы более подробно рассмотрим **семантику** этой конструкции, её **синтаксические особенности и соотношения** с некоторыми другими конструкциями.

Рассматриваемая конструкция необычна, прежде всего, тем, что значение угрозы – и совмещённые с ним синтаксические преобразования – выражается без дополнительных маркеров. Поэтому нужно выявить её соотношение с некоторыми другими немаркированными деривациями.

Деривация или нет?

Казалось бы, можно рассматривать угрозатив как пример конструкции, не обращаясь к понятию деривации. В этом случае можно использовать аппарат грамматики конструкций (ср. [Fillmore 1988]). Однако можно показать, что речь идёт именно о немаркированной деривации.

Как уже говорилось, в конструкции обязательно присутствует дативный актант, например, *ему* в примере (1). Если говорить просто о конструкции угрозы, можно предположить, что этим актантом может быть любой участник, в адрес которого говорящий выдвигает угрозу, например:

(2) – **Васю сейчас стошнит. – Я ему стошню!*

(3) – **Васю засылет песком. – Я ему засыплю!*

Тем не менее эти конструкции недопустимы.

Семантически, однако, они приемлемы: угрозативы вполне могут сочетаться с неагентивными предикатами – даже с такими, при которых дативный актант подвергается негативному воздействию:

(4) – *Твоя собака сейчас опять испачкается. – Я ей испачкаюсь!*

(5) – *Он может заболеть и не прийти. – Я ему заболую!*

Следовательно, причина заключается в синтаксических ограничениях. Дативный актант конструкции должен соответствовать субъекту исходного глагола, причём маркированному номинативом.

То же самое ограничение существует у других конструкций, например, *Х у Y-а до-...-ся*:

(6) *Вася допьётся до белой горячки.*

Однако в этом случае оно прямо обусловлено свойствами самого глагола *пить*: субъект при образовании конструкции с *до-...-ся* не меняется. А в угрозативной конструкции синтаксические роли актантов меняются, но в дативную позицию может продвигаться только исходный субъект. Это роднит угрозатив с другими преобразованиями – эти «родственные связи» мы и разберём ниже.

Связи угрозатива с другими деривациями

Итак, уточним соотношение угрозативной конструкции с моделью управления исходного глагола:

1. синтаксическая роль исходного субъекта понижается – он маркируется дативом;
2. субъектом становится участник, введённый деривацией.

Следовательно, при угрозативе имеет место повышающая деривация, но она не просто вводит в модель управления новый актант – этот актант занимает наивысшую позицию, смещая исходный субъект. Тем самым, мы получаем неожиданную параллель: по типу деривации к угрозативу ближе всего находится

---

¹ Далее – угрозатив.

каузатив.

Каузатив занимает особое положение среди дериваций. Такие понижающие деривации, как бенефактив, аппликатив или введение локативного актанта заключаются только в добавлении участника – синтаксические позиции остальных актантов не меняются. Актант добавляется в периферийную позицию непрямого объекта и не затрагивает субъекта или других привилегированных синтаксических позиций.

Напротив, каузатив добавляет участника в наивысшую позицию субъекта, в связи с чем деривация усложняется.

Различие заключается в том, что при каузативе в большинстве языков мира производный глагол (либо всегда, либо хотя бы при некоторых условиях) является переходным. Например, в адыгейском, арабском или тюркских языках любой каузативный дериват имеет прямой объект. В венгерском языке его наличие или отсутствие зависит от способа каузации:

- (7) a. köhögtettem   a   gyerekkel
cough.CAUS.1SG   boy-INS
'I had the boy cough' (by asking him to do so);
- b. köhögtettem   a   gyerekket
cough.CAUS.1SG   boy-ACC
'I induced the boy to cough' (by my actions) [Hetzron 1976].

Напротив, образование угрозативной конструкции никак не связано с переходностью – с одной стороны, несущественна переходность исходного глагола, с другой, угрозатив не делает глагол переходным, поскольку понижаемый субъект всегда стоит в дативе, а не в аккузативе.

Как можно семантически объяснить связь каузатива и угрозатива? Ныне общепринято, что каузативный предикат кодирует связанные между собой две ситуации: каузирующую и каузируемую (такая схема принята ещё в первых работах по каузативу, например, [Недялков, Сильницкий 1969] и [Comrie 1976]). Между ситуациями существует причинная связь: первая из ситуаций вызывает возникновение второй или, по меньшей мере, не препятствует ему. Конкретный тип этой связи может быть очень разным, например, причинной связью в чистом виде (8) или сознательными усилиями с целью вызвать ситуацию (9):

(8) *То, что случилось с ним, заставило его измениться.*

(9) *Он сделал свою жену самой знаменитой актрисой СССР.*

Однако в любом случае первая из ситуаций влечёт возникновение второй.

Угрозатив, как можно увидеть, также обозначает две ситуации – действие, осуждаемое говорящим, и предполагаемое действие самого говорящего в наказание за это действие:

(10) – *Можно я открою шкаф? – Я тебе открою!* = 'Если ты откроешь шкаф, я сделаю тебе нечто плохое'.

Тем самым, причинная связь существует и здесь, но направлена она в другую сторону: субъект конструкции не вызывает возникновение ситуации, а наоборот, его действия вызваны некоторой ситуацией.

При каузативе действие, совершаемое субъектом конструкции, в какой-то мере активно (оно воздействует на окружающий мир, что, согласно, [Dowty 1991], считается одним из критериев агентивности актанта). Ещё ярче видна эта тенденция при угрозативе: в примерах типа (5) дативный актант может быть пациентивным, но субъект неизменно агентивен.

Тем самым, мы получаем недостающее звено в системе дериваций: ранее каузатив считался уникальной деривацией, теперь угрозатив может занять место рядом с ним в классе, так сказать, «замещающих» понижающих дериваций.

Формальные ограничения на угрозатив

Ранее мы говорили только об отдельных угрозативных предложениях, но необходимо учесть, что парадигма глагола в угрозативном употреблении значительно урезана по сравнению с основным употреблением.

Во-первых, в ней может использоваться только будущее время глагола, ср. неграмматичные предложения:

(11) *Я ему пришёл ('Сделал нечто плохое за то, что он пришёл').

(12) **Мы ему всегда приходим.*

Семантически, если принять примерное толкование, эти предложения вполне допустимы.

Ещё более заметны ограничения на тип предложения: угрозативная конструкция может выступать только в простом предложении в изъявительном наклонении (даже сочинительные конструкции типа (15) исключаются); невозможно также контрастивное выделение (16):

(13) **Если я ему приду, его папа меня убьёт.*

- (14) **Надо Васе прийти.*
- (15) *– *Вася опять пел ночью под окнами. – Я вот вернусь и ему попою.*
- (16) **Я Васе приду, а вот Пете ничего не сделаю.*

Эти контексты также, как кажется, вполне приемлемы с семантической точки зрения: например, (13) могло бы означать ‘Если я сделаю ему нечто плохое за то, что он придёт, его папа меня убьёт’, а (14) – ‘Надо наказать Васю за его приход’. Однако ниже мы покажем, что смысл конструкции отличается от постулированного выше, а значит, запреты на предложения вида (13) и (14) вполне объяснимы.

Наконец, самый труднообъяснимый запрет – невозможность перестановки номинативной и дативной группы, а также их выноса за глагол:

- (17) *– *Вася опять поёт у нашего балкона. – Ну уж Васе я попою. Сколько можно безобразничать?!*
- (18) ??? *Попою я Васе...*

В работе [Мельчук 1995] такой же запрет отмечен для других конструкций угрозы:

- (19) ??? *У меня ты допереключаешься.*

Однако он никак не объясняется – автор лишь констатирует, что это свидетельствует о неразрывности конструкции как единого целого.

Вообще говоря, для русского языка такие строгие запреты на инверсию нехарактерны, ср., например:

- (20) *Я ему пошлю письмо/Я ему письмо пошлю/Ему я письмо пошлю, а ей позвоню/Я письмо ему пошлю.*

Более того, даже фразеологизованные единицы очень часто допускают перестановки элементов:

- (21) *Да он целый день баклуши бьёт.*
- (22) *Вася всегда подставит мне плечо/Мне Вася всегда плечо подставит.*

Следовательно, причина ограничений лежит именно в особых свойствах данной конструкции.

Смысл угрозы: уточнение

В [Мельчук 1995] конструкция в числе других характеризуется как конструкция угрозы. Однако для угрозы это описание грешит двумя неточностями: во-первых, как я покажу ниже, оно не исчерпывает смысла конструкции, во-вторых, не позволяет объяснить всех свойств конструкции.

Что можно назвать угрозой? Приведём несколько примеров:

- (23) *Я тебе рожу разобью!*
- (24) *Ты у меня сейчас получишь!*
- (25) *Они у меня допереключаются/попляшут.*

Следовательно, предложение, несущее угрозу, не обязано иметь особую актантную структуру: оно может формально совпадать с конструкцией с будущим временем глагола.

В работе [Мельчук 1995] угроза характеризуется тем, что «говорящий пытается добиться желаемого положения дел» и описывается определением ‘если X будет продолжать слишком увлекаться деятельностью Р [=слишком Р-ить], Y строго накажет его за Р’. Тем самым, любая угроза предполагает наличие двух ситуаций – причины угрозы и содержания угрозы. Различие в том, что обычно реализуется одна из двух стратегий:

- ❖ либо глагол выражает содержание угрозы (в (23) – ‘разбить рожу’), а его субъектом является исполнитель угрозы;
- ❖ либо глагол выражает причину угрозы (в (25) – ‘плясать’), а его субъектом является мишень угрозы.

Изучаемая нами угрозы конструкция реализует третью стратегию:

- ❖ глагол выражает причину угрозы (в (10) – ‘открыть’), а его субъектом является исполнитель угрозы.

Тем самым, можно говорить о различном фокусе в конструкциях угрозы: в одних из них внимание акцентируется на самой угрозе: например, предложение (23) может произноситься и без особой причины – существенна не конкретная причина угрозы, а то, чем говорящий угрожает слушающему. В других случаях центром внимания является именно причина угрозы: в (25) важно, прежде всего, то, что говорящего не устраивает переключение программ слушающим, но неважно, какие меры он собирается применить.

Рассматриваемая конструкция принадлежит к комбинированному типу. С одной стороны, поскольку глагол выражает причину угрозы, мы знаем, какое положение дел имеет место. С другой, поскольку

субъектом является исполнитель, центр внимания скорее находится на его действиях, а не на этом положении дел.

Это подтверждается и ещё одним интересным свойством конструкции: она не может встречаться без контекста, где говорится о ситуации, которая может иметь место: например, странно выглядит последовательность (26):

(26) [?]*Уж мне-то есть что сказать о Васе. Он абсолютно несносный человек. Я ему попою под чужими окнами.*

Даже если и говорящему, и слушающему известно, что Вася имеет привычку петь под чужими окнами, этот факт должен быть эксплицитно выражен в предтексте:

(27) – *Вася опять пел в нашем саду. – Да, он абсолютно несносный человек. Ну ничего, я ему попою под чужими окнами.*

Напротив, конструкции угрозы типа *Я его убью!* абсолютно приемлемы без эксплицитного выражения причины угрозы.

Отсюда можно заключить, что ситуация, ставшая причиной угрозы, в угрозативной конструкции не находится в центре внимания. Она переносится из контекста способом, близким к анафорическому – а ключевым является именно содержание угрозы, хотя ни одна лексема в конструкции его не обозначает.

Интересно, что рассматриваемая конструкция имеет свойство, не обязательное для конструкций угрозы вообще: к будущему времени относится не только содержание угрозы, но и её причина. Предложение типа *Я ему приду!* невозможно, если приход уже имел место. Исключения составляет подвид конструкции с делимитативными глаголами на *по-*:

(28) *Сейчас я ему побегаяю!* –

в случаях типа (28) возможно, что действие ‘бегать’ уже имело место в момент речи, тогда как наказание только планируется.

Скажем несколько слов о дериватах на *по-*, поскольку при угрозативе они играют особую роль. Обычно считается, что они обозначают завершение некоторой произвольной части ситуации. Однако в угрозативной конструкции невозможны глаголы несовершенного вида (приводимые Мельчуком примеры типа *Вася ему будет петь*, на наш взгляд, нельзя признать бесспорно грамматичными), и их место занимают делимитативы. В частности, предложение:

(29) *Я ему похожу по чужим садам*

означает только, что адресат угрозы ходил по чужим садам, причём это действие имело определённую протяжённость или повторялось – вряд ли можно усмотреть в данном случае делимитативное значение, скорее речь идёт просто о незавершённом действии. Либо, говоря иначе, делимитативное значение наследует свойства обеих подситуаций: от первой наследуется неопределённость, а от второй – завершённость, что и даёт в сумме делимитативное значение. Это ещё раз подтверждает тесную связь между подситуациями.

Различие между употреблением *по-*дериватов в обычном и в угрозативном предложении видно на примере глаголов типа *погулять*:

- (30) а. *Вася погулял часа два, а потом пришёл домой.*
б. *Вася два раза/несколько раз погулял в этом саду.*
в. - *Вася постоянно гуляет в твоём саду. – Я ему погуляю!*

Хабитуальность и повторяемость, неестественная для собственно делимитатива, характеризуют угрозативные конструкции с *по-*глаголами.

По-видимому, такое смещённое видовое противопоставление свидетельствует о специфических аспектуальных свойствах содержания угрозы. Фактически оно не имеет временной протяжённости (и вообще локализации во времени): ср. невозможность временных обстоятельств типа *завтра*:

(31) *Я ему завтра погуляю!*

Неудивительно, что запрещён и несовершенный вид, подразумевающий временную протяжённость действия или последовательности действий.

Синтаксис угрозативной конструкции

Касаясь синтаксических свойств угрозатива, требуется, прежде всего, описать способы кодирования актантов исходного глагола. Как видно, предложения со всеми актантами часто выглядят неестественно:

(32) [?]*Я ему спою на концерте чужую песню!*

(33) [?]*Я ему погуляю ночью в чужом саду!*

Несколько более естественными предложения такого рода становятся при употреблении делимитативного глагола. Это происходит потому, что в таких случаях аргументы могут не совпадать с исходными, упомянутыми в контексте, а включать их в себя, ср., например:

(34) - *Вася хочет завтра спеть пару песен Гребенщикова. – Я ему попою чужие песни.*

Негативно оценивается не референтная ситуация с конкретным объектом, а более общая – исполнение чужих песен.

Однако более значим почти полный запрет на замещение объекта местоимением: ср. обычную ситуацию и неприемлемую угрозативную конструкцию:

(35) - *Вася просит тебя прислать Пете_i свою статью_j. – Я уже ему_i её_j послал.*

(36) а. - *Вася хочет открыть вино_j. – Я ему открою!*
б. *- *Вася хочет открыть вино_j. – Я ему его_j открою!*

Тем самым, местоимением может кодироваться только один аргумент – субъект исходного глагола, отодвигаемый при угрозативе в позицию непрямого объекта. Все остальные аргументы могут либо опускаться, либо выражаться полными именными группами. Это ещё раз доказывает асимметрию субъекта и всех остальных участников, которая отсутствует в таком виде в неугрозативных конструкциях.

Напротив, для субъекта местоименное кодирование если не обязательно, то наиболее естественно: ср. неугрозативную и угрозативную конструкции:

(37) [?] - *Вася хочет завтра прийти. – Хорошо, пусть Вася приходит.*

(38) *- *Вася хочет завтра прийти. – Я Васе приду!*

В первом случае употребление полной именной группы не запрещено, хотя и странно, во втором полностью запрещено.

По-видимому, нужно считать, что угрозативной конструкцией из контекста наследуется глагольная группа ('спеть песню') в целом. Выражение его аргументов обычным местоименным способом невозможно (ср. (36b)) – в «угрозативной» конструкции исходное предложение может выступать только как целое.

Труднее объяснить запрет на перемену мест субъекта и адресата (*Я приду Васе*). Возможно, нужно говорить о том, что дативный аргумент жёстко привязан к первой части предложения, несущей саму семантику угрозы, а не ко второй, обозначающей причину угрозы.

Осталось выяснить, почему же именно угроза грамматикализуется в русском языке, а, например, аналогичное употребление с каузативным значением невозможно: так, предложение (39) нельзя употребить в смысле 'Я заставлю его прийти':

(39) *Я его/ему приду.*

(39) может иметь смысл 'Я заставлю его прийти' только окказионально, а в норме имеет угрозативную семантику.

Часто считается, что грамматикализируются смыслы, наиболее концептуализованные в действительности и наиболее существенные для говорящих. Однако нельзя с очевидностью утверждать, что угроза – более важный смысл, чем каузация (не случайно окказиональные каузативы типа *Его ушли с работы* – отнюдь не редкость в русском языке, см. [Babby 1993], [Сай 2004] об окказиональных каузативах в русском языке).

В первую очередь суть в том, что угроза предполагает, что её причина находится в пресуппозиции высказывания (что характерно и для причины вообще) – тем самым, употребления такого рода поддерживаются контекстом – и семантически, и синтаксически: во-первых, одна из ситуаций известна говорящему и слушающему, во-вторых, аргументы ситуации могут анафорически быть перенесены в угрозативную конструкцию. Кроме того, в отличие от каузатива, не требуется изменения переходности глагола: при каузативе, как правило, вводится прямой объект, глагол становится переходным – а процессы такого рода в русском языке обычно маркируются. Наконец, на грамматикализацию, возможно, влияют близкие конструкции, которые мы кратко разберём ниже.

Угрозатив и близкие конструкции

Чтобы объяснить угрозативное употребление, необходимо рассмотреть конструкции, близкие к данной и по форме, и по значению. Прежде всего, это разного рода конструкции с дательным падежом.

Исходным употреблением датива считается кодирование участника с ролью реципиента или адресата. Однако в русском, как и во многих других языках, он имеет целый ряд производных употреблений – и из них для нас важнее всего употребление со значением **актанта, затронутого ситуацией**. Ср., например:

(40) *Я ему разобью рожу.*

(41) *Он ему покажет, как обманывать людей.*

Первое предложение подпадает под данное в работах [Haspelmath 1999] и [Кибрик 2004] определение

конструкции с внешним посессором, а второе относится к другому типу. Общим является то, что дативный аргумент не является (или не обязательно является) прототипическим пациенсом, но явно затронут имеющей место ситуацией.

По всей вероятности, следует считать построения с дативом затронутого ситуацией участника особой конструкцией в смысле [Fillmore 1988] и [Goldberg 1995]: независимо от того, каковы остальные компоненты, сочетание глагола с дательным падежом в определённых случаях может иметь семантику воздействия на участника – а в случае, когда речь идёт о предполагаемом воздействии со стороны говорящего (прежде всего, на адресата) – значение угрозы.

С другой стороны, в [Мельчук 1995] рассматриваются конструкции типа *Ты у меня допрыгаешься*, *Ты у меня попоёшь*, более объяснимые с точки зрения валентной структуры глагола. Можно предположить, что угрозативная конструкция является как бы гибридом обобщённой модели с дативным аргументом типа (45) и (46) и модели с глаголом на *до-...-ся* при которой глагол обозначает причину угрозы (например, *петь*). И дативная модель, и *до-...-ся*-модель достаточно просты с синтаксической точки зрения: за исключением продуктивного для русского языка добавления аргумента (дативного в первом случае и предложной группы с предлогом *у* – во втором), никаких преобразований не происходит². Однако гибридная угрозативная конструкция, как мы показали выше, имеет весьма необычную аргументную структуру, по сравнению с исходным глаголом, и предполагает смещение ядерного аргумента (субъекта) в низшую позицию.

Заключение

Итак, русская конструкция типа *Я ему приду*, названная нами угрозативной, обнаруживает целый ряд интересных семантических и синтаксических свойств, ставящих её особняком среди прочих конструкций угрозы.

Прежде всего, важно, что аргументная структура угрозативного глагола сложным образом соотносится с исходной, что позволяет говорить о деривации. Эта деривация находится ближе всего к каузативации и заполняет своеобразную лакуну в системе дериваций: она предполагает наличие двух ситуаций, соотносящихся друг с другом противоположным по отношению к каузативу образом.

Для русского языка угрозатив также важен как одно из немногих продуктивных немаркированных преобразований актантной структуры, затрагивающих субъект глагола (другим является подробно анализируемое в работах [Падучева 1998] и [Розина 2005] преобразование типа *Я залил пол водой/Вода залила пол*).

В то же время от прочих дериваций угрозатив отличает мотивированность контекстом: в этом смысле она находится ближе всего к окказиональному каузативу типа *уйти* в предложениях *He он ушёл с работы, а его «ушли»*, где переходное употребление непереходного глагола возможно, прежде всего, благодаря наличию в близком контексте нормативного непереходного. При угрозативе связь с контекстом ещё более регулярна. Это позволяет поставить проблему контекстной мотивации дериваций с другой точки зрения, чем это делалось ранее: обычно говорится о связи с контекстом **выбора** актантной структуры (например, *Чашка разбилась, У меня разбилась чашка* или *Я разбил чашку*). Однако следует выяснить, есть ли другие случаи, когда без контекста деривация вообще невозможна (как это и происходит в случае угрозатива).

Наконец, угрозатив близок к преобразованиям типа потенциального пассива (*Что-то дверь не открывается, Наверное, проржавела*) тем, что преобразования аргументной структуры в нём совмещены с добавлением некоторых модальных компонентов. Как правило, такие преобразования (ср. также middle construction в английском языке) также не создают новых ситуаций – речь скорее идёт об осложнении исходной ситуации модальными компонентами.

С синтаксической точки зрения интересна невозможность выражения актантов угрозативного предиката (за исключением субъекта) местоимениями. Это позволяет уточнить представление о связи угрозативной конструкции с контекстом.

Наконец, угрозатив интересен собственно как конструкция, поскольку связан с двумя более простыми конструкциями, выражающими аналогичное значение. В результате их совмещения мы получаем гораздо более сложную с синтаксической точки зрения конструкцию.

Литература

Кибрик, А.Е., Леонтьев, А.П., Л. Брыкина, М.М // Диалог'2004. Материалы к докладам.

Мельчук И.А. Об одном словообразовательном аффиксе и об одной синтаксической фраземе современного русского языка // Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл⇔Текст». М.–Вена, «Языки русской культуры», 1995: 325-346.

Hetzron R. “On the Hungarian Causative Verb and Its Syntax”. In: *Syntax and Semantics. V. 6, The Grammar of Causative Constructions*, M. Shibatani (ed.), 371-398. 1976.

² Заметим, что и дативные ИГ, и предложные группы с *у* легко добавляются к произвольным глаголам в самых разных употреблениях, а не только при наличии семантики угрозы: ср. *Я открыл ему дверь, Я купил ему хлеба* – и, с другой стороны, *У меня засохли цветы, У меня разбилась чашка*.

- Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Морфологический и лексический каузативы // Холодович А.А. (ред.). Типология каузативных конструкций. Л.: Наука, 1969.
- Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика, вып. 36. М., 1998.
- Розина Р.И. Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге. М.: Азбуковник, 2005.
- Сай С.С. Об одной продуктивной модели каузативации в спонтанной русской речи // Второй международный конгресс русистов-исследователей. Материалы к докладам. М., 2004.
- Babby L.H. Hybrid causative constructions: benefactive causative and adversity passive. In: B. Comrie, M. Polinsky (eds.). *Causatives and Transitivity*. 1993.
- Comrie B. "The Syntax of Causative Constructions: Cross-Language Similarities and Divergences". In: *Syntax and Semantics. V. 6, The Grammar of Causative Constructions*, M. Shibatani (ed.), 261-312. 1976.
- Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*, v. 67, №3. 1991. 547-619.
- Fillmore, Ch., P. Kay & M.C. O'Connor. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of 'let alone.' // *Language* 63(3). 1988. – С. 501-538.
- Goldberg A. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. – Chicago: Chicago University Press, 1995.
- Haspelmath, M. External possession in a European areal perspective // *External Possession* / Payne D.L., Bashi I. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999.
- Shibatani M., Pardeshi P. The causative continuum // Shibatani M. (ed.). *The Grammar of Causation and Interpersonal Manipulation*. Amsterdam/Philadelphia, 2002. 85-127.